

♣Annotation

Динамичная позитивная юмористическая история о Галине – помощнице ведущей на конкурсе красоты.

Она привыкла работать с капризной публикой, легко справляется с форс-мажорами и стойчески выдерживает истерики перепуганных участниц. «Настоящий профи» подумаете вы и будете не одиноки – Люциус сын Люцифера пришел к тем же выводам.

И вот любой нормальный похвалил бы, в крайнем случае, предложил работу, но Правитель Аида дьявол нестандартный, и высококвалифицированный профессионал у него – это лучший кандидат... в жертвы, точнее в жертвенницы.

К его несчастью, похищенный специалист Галя менее всего согласна почтить смертью храбрых, а посему потребовала срочного возвращения домой. Узнав ее поближе, дьявол и сам рад отпустить, одно останавливает...

Нужна она в свадебных обрядах в статусе избранной жертвенницы, очень нужна.

Ардмир Мари

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7

♣Ардмир Мари
ПРИВЕТ РОГАТОМУ!

♣1

– Где эти чертовы ролики!?

Я выползла из-под завалов с одеждой в поисках белой пары. Девчонки на нервах от накативших эмоций, так что крики: «Где мои туфли?» нередко переходили в «Где мое платье», «Где мой автомат?» и «Где мама?!»

К слову о конкурсе. Спокойный такой конкурс красавиц в тихом сонном городке вдоль Днепра, где первые места давно куплены, а вторые проданы, можно было бы провести тихо и мирно. Но нет! Наши неробкие красавицы, зная о подкупе, продолжали бороться невесть за что.

– Я не смогу это сделать! – причитала Ленуся. – Я не смогу, кто-нибудь, пожалуйста, я не могу, не могу.

– Все ты сможешь, – оборвала ее я.

Помощница ведущей, а это я? уже два часа кряду бегала с таблетками меж зеркал, рядов с одеждой, пакетов и между молоденькими красотками, изволившими участвовать. На кого-то наорать, кого-то обнять, кому-то налить грамм тридцать или надавать по щекам для острастки. Ничего, наша гримерша все скроет.

Через двадцать минут после первых истерик я уже сама была готова порвать судей, аудиторию и платье на мисс Совершенство. Девчонки так кипели ядом, что он просочился и в меня, заразив нервным «тиком» – ругательствами. Пришлось глотнуть успокоительного, а действие его уже прошло.

Ладно, они волнуются, но я с чего вдруг? В курсе же: кто получит корону, кто приз от спонсора, кто станет вице-мисс и даже мисс

зрительских симпатий..., а все равно и я как оса в этом осином гнезде жужжу.

Так что ролики для Ленусика я искала рьяно и с матом. Предстоял конкурс талантов. Наши талантливые уже успели показать настоящий класс на сцене, отчего оставшиеся за кулисами постепенно пришли в негатив. Вот и Ленусик безостановочно твердит, что со своим номером не справится.

Я сказала, справится.

Она, что нет.

– Да, мать твою! Выедешь на роликах в центр площадки, покрутишь попкой и немного покатаешься – ничего проще нет. Тебе же всего лишь нужно представить хоть что-то!

♣ Да для нашего маленького городка колесо на роликах от дамы в платье XVIII века это уже «вау!» – Кстати, почему платье такое древнее?

– Это номер «Маркиза де Помпадур», название, кстати, Вы придумали! – возмутилась она. – Я только номерок вытянула.

Кто ж знал, что она мою идею так испоганит?

– Ммм, – постаралась не ляпнуть, что номер не бомба, а для таких молоденьких дур в самый раз. Промолчала, а сказать хотелось многое. Но ролики с розовыми бантиками наконец-то нашлись. Выставив их перед костюмом Елены, я скептически на него взглянула. Рассказать девушке, что маркиза в любом костюме использовала предмет приметного голубого цвета, или оставить в неведении?

Рассказала. Ой, рассказала. Ленусик как бешеная львица бросилась раздирать свое платье и конкретно двинула меня. Такого я стерпеть была не в силах и...

Когда вторая ведущая называла номер Елены Дюкло, в карман перед сценой на роликах выехала я. Да, с фамилией Ленусику повезло, а вот с выдержкой нет. Теперь она охлаждает щеку, а я...

– Галя?! – первая ведущая удивленно воззрилась на меня, признав под венецианской маской на пол-лица.

– Что?

– Галя, ты почему в костюме одной из участниц? – натягивая перчатки, я кисло улыбнулась.

– Потому что участница впала в истерику. Начала рвать костюм, пообещала, что не выйдет на сцену и... я ей залепила.

– Что залепила? – опешила Наталья.

– По морде... по лицу. – Поправилась я. – Не сдержалась. Вот!

– И ты вместо нее теперь?

– Да! Но только на этом конкурсе. На купальники она сама выйдет. Да к тому же ее красноту за это время Павловна уберет.

– А ты справишься? – прозвучали первые аккорды номера, и задерживаться за портьерами дальше было бы уже неправильно. Я улыбнулась.

– А у меня есть выбор?

– С Богом! – перекрестила меня Наталья.

– И с ним тоже! – выкатываясь вперед, согласилась я.

♣ Сцена! Слепящие софиты и вспышки кинокамер и фотоаппаратов! Горящие глаза судей и сидящих в зале мужчин. Ух, будь я младше, может быть и обрадовалась, да только сейчас я прекрасно видела, что дворец, в котором проводился конкурс, значительно обветшал и, не смотря на

косметический ремонт, «радовал» глаз испорченным покрытием площадки, потертыми сидениями кресел, вытертым полом, стародавними софитами, сохранившимися с советских времен. Не говоря уже о технике. Техническое обеспечение конкурса страдало, так же как и здание, а посему ремикс «Вальс цветов» Чайковского чуточку скрипел, шипел и заикался.

Судьям, чтобы не уснули, было предварительно налито, ну а о мужчинах... какие еще должны быть глаза в предвкушении конкурса купальников?

Ремикс был весьма неплох, так что мои медленные кружения вскоре перешли в резкие обороты и прыжки и кручения на заднем колесе. Эх! Где мои пятнадцать?! Когда я сальто через голову делала. В платье парике и маске на такое не решишься, но и с ними я прикалывалась по полной, поддаваясь власти ритма и движения. Варианты из движений мима, спуск по несуществующей лестнице – я использовала все, что успела придумать, пока смотрела на нелепые репетиции настоящей участницы конкурса.

Переключив выступление Ленусика на свой лад, я сорвала овации зала. Вот так!

Три минуты кручений, приседаний, картинного позерства и овации мне, любимой. Ну, почти мне. Скоренько, пока участницы не поняли подлога, прокатилась к уборной. Столкнувшись там лицом к лицу с Ленусиком, держащей в руках мою одежду, затащила ее в техпомещение. Процесс переодевания занял не более двух минут, так что вышли мы оттуда вовремя, до того, как прочие конкурсантки захотели поделиться впечатлениями от шоу. Я с ничего незнающим выражением лица выбралась из кабинки и пошла в костюмерную.

Гримерша Павловна подмигнула.

– С меня шоколадка, – сообщила я.

– С тебя коньяк. – Поправила она. Пришлось согласиться.

Оставшееся время до окончания конкурсов и вручения призов прошло относительно тихо. Я больше никого убить не хотела и по щекам никому не давала, то есть выручать более никого не пришлось.

Приз зрительских симпатий урвала Елена Дюкло. Ленусик спасибо сказать не соизволила ни за номер, ни за пощечину, вернувшую ее на землю.

– Ничего. От добра добра не ищут.

↑

Когда на странных приспособлениях на сцену выкатилась намазанная кукла с чужими волосами на голове, зрительский зал вдруг оживился. Нардо Олдо Даро прищурился, чтобы рассмотреть девушку. Судя по сиянию, исходящему от всевидящего ока, Повелитель также приблизил сцену к себе. Зеваки, пожелавшие сесть ближе к шоу, проходили мимо темной тени и светящегося шарика, не представляя, кто посетил их мир.

Фигура на сцене приветственно помахала. Сделав низкий поклон, улыбнулась, глядя в зал. Первые ее движения были плавны и медленны, подстать музыке, и были удивительно легки. А когда мягкие переливы звуков сменились непонятной какофонией, то и движения фигурки в пышном платье стали резкими, порывистыми, скользящими и быстрыми. За счет странных приспособлений она металась по помосту перед восхищенными зеваками. Остановившись с последними аккордами, сорвала в зале общие овации и свист. Поклонившись, она махнула на прощанье и исчезла.

– Эту! – донеслось из всевидящего ока.

– Повелитель, – с почтением обратился к нему Нардо, – подумайте

еще раз, неужели для обряда вам не подойдет молоденькая несмышленная чистая красавица.

– Она молоденькая.

– Она старше прочих на пять лет. – Ответила тень.

– Она почище некоторых из несмышленных.

– Этого мне видеть не дано, однако прошу Вас подумать еще немного, впереди месяц, Вам еще удастся найти подходящую жертвенницу.

– Эту, я сказал.

– Да, Повелитель, – склонила голову тень.

Сияющий огонек всевидящего ока сделал медленный круг над тенью Нардо – приспешника. Наделив его полномочиями выбора и кулоном для перемещения жертвенницы, погас.

По окончании конкурса мы выпили!

А нет, дело было не так. По окончании конкурса они выпили, я закусила и начала развозить половину собравшихся по домам. Ровно половину, потому что в мою «Škoda» большее количество не поместилось бы. Остановившись у названного подъезда, ждала пока созревшего «клиента» сгрузят его родственники или он/она самостоятельно сгрузятся в случае неполной отключки. К сожалению, предпоследняя остановка увенчалась беспробудным сном той самой Павловны. Ее можно понять: даме за сорок, двое взрослых детей, и еще один ребенок, который муж (это ее личное мнение относительно супруга, кто супруга не знает, тот не опровергает – мы приняли за чистую монету), три собаки и наглая свекровь – это та еще кровососущая компания. А сегодня ей помимо родных кровиночек пришлось вынести еще и вопли тридцати красавиц-кровопийц. Ладно, двадцати девяти, одну из них я лично уgomонила.

Посмотрев на Рябцеву, что была вполне еще в себе, предложила со мной за компанию поднять тело бездыханное на нужный этаж. Рябцева куксилась долго и обстоятельно, но узрев мой гнев, тут же согласилась.

Знала бы, что моя перекошенная моська и обещание «в лесу высажу!» ее так испугают, предложила бы раньше. На пару мы Тамару Павловну вытащили и повели. Тени, отбрасываемые нашими телами, впечатляли. Одна ровно идущая, одна ссутулившаяся и еще одна полусогнутая – это Павловна на Рябцеву всем корпусом навалилась. Разогнули Рябцеву, пошли дальше. Как ни странно, к нашей тройке теней присоединилась еще одна – темная, по асфальту ползущая, а над нею светлячок. Когда вошли в подъезд, тень исчезла. Далее без происшествий. Оказавшись в родном дворе, счастливо вздохнула.

– Дом, милый дом! – девятиэтажка подмигнула светящимися окнами. Открываю дверь, поднимаюсь к себе в лифте. Сегодня без геройств, пешком на свой этаж я не дойду – набегалась за день, да и накаталась.

Вдруг рядом возник светлячок, тут же, в лифте. Пока я удивленно тарасилась на него, думая, а не парами ли проспиртованного дыхания коллег меня глючит, он медленно исчез. Протираю глаза и улыбаюсь. Хорошо, что с завтрашнего дня ухожу в отпуск на месяц. Он меня здорово выручит и самое главное – завтра в воскресенье не придется тащиться на работу. Когда чужие праздники занимают ваши будни, чертовски сложно продолжать ценить собственные. Ценить начинаешь уединение, голые стены, бескрайние просторы степей и лесов и тех знакомых и соседей, которые болеют ангиной. Они и рады рассказать, как обстоят их дела, да не

могут.

Вхожу в квартиру. Салютую в прихожей:

– Здоров, берлога!

♣ Моя берлога – редкостная эгоистка – никогда не здоровается в ответ. Так что, не ожидая ответа или хотя бы эхо, которое при таких криках раздается в гостиной, вхожу в кухню.

– Есть не хочу, – резюмирую я, оглядывая пустой холодильник.

Правильно, из-за конкурса красоты две недели я на работе и спала и ела. Нет ничего удивительного в холодной пустоте кухонной техники, странно, как в нем еще мышь домашняя белая не повесилась?

К слову, о мыше...

– Нафаня! – белого мерзавца в клетке на столе в гостиной не оказалось.

– Наффаня?! – завопила я, вспомнив, какими мышками сосед этажом ниже удава кормит. – Маленький, беленький, где ты?! Отзовись... то бишь поскребись, убьют же ж заразу! И съедят не сразу!

Обшариваю пол, подоконники, шкафы пустые. Все собрала, готовясь в отпуск, и поискам ничего не мешает. Рядом опять светляк.

– Мне только тебя, глюк, не хватало, – отмахнулась я. Светляк отлетел и растаял, а там, где растаял бумажка на полу лежит. Поднимаюсь, подхожу, приглядываюсь.

А это Женькина записка. У нее, как деньги на телефоне заканчиваются, эффективное мышление отрубается. То есть вместо того, чтобы пополнить счет, она вспоминает каменный век и его настенные надписи. Иногда ее послания просты и бесхитростны. Они красуются на клочках газет, листах книг, огрызках салфеток, туалетной бумаги (встречается редко, но занимательно). Вот и на этом клочке красочно значилось: «Нафаня у меня. Хорошего отпуска! Женька».

Я покрутила клочок в руках, дополнительных записей на листе из отрывного календаря не было. Вот так, глядя на бумажку, сразу и не поймешь, что писалось для тебя, просто спешил человек очень. А есть варианты более масштабного плана. Тут она вспоминает, что училась на художника и граффити – ее неразвитая стихия. Хочется сказать – недоразвитая, но разве скандал с человеком творческим может вылиться во что-то хорошее, нет. Поэтому прямо не говорится, говорится косвенно. Именно так пришлось объясняться с Женей, когда она на месте встречи помадой расписала бетонную стенку подъезда. Теперь о том, что мы с девчонками по пятницам собираемся в баре «Иволга» знает весь мой подъезд. А о том, как трудно стирается помада со стены, знаю только я.

Но это мелочи, главное – человек она хороший, позитивно смотрящий на мир, и в ее компании делиться своими проблемами намного проще, чем в компании нытиков. Расскажешь ей о таком дне, как сегодня, ♣она лишь посмеется, утрировав ситуации до абсурда. Другими словами и выслушает, и настроение поднимет.

Итак, пункт о Нафане вычеркиваем, подвела я мысленный итог. На сон грядущий остается душ, сон и прослушка сообщений с автоответчика.

– Последнее оставим на последок, – резюмировала я, собираясь в ванную.

Разговариваю в квартире пустой сама с собой редко, но метко. Сейчас, часу в двенадцатом ночи, решила еще и погорланить. А почему нет? С завтрашнего дня отпуск и он отпустит меня на тридцать дней, уже отпускает.

Вдруг звонок. Эх! Не просто звонок, звонок от важного человека. У меня на всех важных, то есть родных, одна и та же музыка поставлена –

марш из Звездных войн — саундтрек, сопровождающий появление Дарта Вейдера все шесть частей эпопеи. Если это мама, значит: что-то страшное случилось!

Выскакиваю и мчусь к сумке как взмыленная лошадь, сравнение подходящее: я в пене и мыле. Хватаюсь за телефон, а там... Глеб.

— Да, чтоб тебе, урод! — рычу сквозь зубы. — Ну, милый, погоди!

Нажимаю «принять» и садисткой улыбкой на устах, подношу трубку к уху.

Нет, я не ревнивая. Я милая, нежная всепрощающая с ангельскими крылышками за спиной. Просто если у моего достаточно «приближенного» избранника на уровне пояса еще детство гуляет, то я ему во взрослении этом помочь не могу. Взглянул налево — катись налево! Я ищу серьезных отношений с достойным человеком, а не мальчишку, не знающего, чего он хочет.

Так что нелепое Глебовское:

— Галчонок ты все еще дуешься на меня...? — я прервала мгновенно.

— Глеб, иди к черту!

— Ч... — наверное, это было его возмущенное «что?». Узнать точно я себе не дала и положила трубку. Одно мгновение и пара нажатий на кнопки и все входящие бывшего, две недели назад отставшего, блокируются. Пусть катится куда подальше. Я прошла по комнате, задвинула на место шкафчик, поправила в вазе цветы и, напевая «Вокруг земли...», пошла в ванную.

▲2

Две объемные тени, отделившись от стен, проводили избранную Повелителем взглядами.

— Хозяин, девушка странная, может, не стоит ее к нам забирать? Она же от соприкосновения с водой орет! Давайте другую жертвенницу найдем.

Хозяин молчит, слуга продолжает.

— До сих пор изморозь по спине. Вы слышали, как она предложила дриаду в лесу высадить в землю? А натереть хрону оборотню в сером костюме с полосатой дубинкой?

Вторая тень кивнула, соглашаясь.

— Так она уродом милого своего зовет и к вам посылает. С голыми стенами здоровается и говорит, что весь дом...

— Милый дом. — Поправил его Нардо.

— Говорит, что весь милый дом ей принадлежит. В доме страшные личности обосновались. Змеелов есть, кикимора, маг темный, вампир энергетический...

— Повелитель сказал, стоит.

— Повелитель не видит ее сейчас. Она ж бесстыдница — голой по комнатам бегают!

— Повелитель видит, — тень указала на всевидящее око, мерцающее белым светом, — и он в курсе происходящего.

— Так и быть, — вздохнул длинноухий помощник, расставляя капкан вокруг кровати. Жертвенница для перемещения должна самостоятельно надеть кулон, а значит, принять его за принадлежащую ей вещь. Лучшим из лучших среди чарующих вещи был бес — древний слуга Нардо.

Настроение поплескаться вдоволь после звонка Глеба исчезло, как не бывало. Умеет он появиться «вовремя». Тут еще и колонка забарахлила так, что осталось лишь быстро помыться и спать. Как решила, так и сделала. Вытерлась, кремами намазалась, волосы просушила и, покрутившись перед

зеркалом, пошла. В одних шортиках забралась под одеяло и обняла подушку.

Ни с чем несравнимое, потрясающее ощущение легкости и ▲горизонтальности после тяжелого насыщенного событиями дня накрыло с головой.

– Бесстыдница. – Послышалась в темноте.

Бррр, спать, срочно спать, иначе опять светляк привидится.

– Хозяин, – послышалось с пола сердито, – и зачем я его к сорочке прикреплял?

В ответ смехок и красивым баритоном пояснили, – ну, если она так спать желает...

– Соседи, сволочи! – выдала я, накрывая голову подушкой.

– Нечисть! – в точку поправил первый.

– Опасная нечисть, – согласилась я из-под подушки с громко работающим телевизором у соседа снизу. И почти засыпая, – не чистят здесь ничего, а нечистотят основательно.

Тишина и вдруг удивленное восклицание: Она нас слышит?!

Степаненко, наверняка опять «Секретные материалы» пересматривает. Чтоб этому инопланетяно-любителю TV канал отрубили!

– Не слышит, – отозвался баритон.

– Слышит!

– Нет, блин, вижу! – вскакиваю с места мягкого и нагретого, иду за берушами. На полпути торможу, оборачиваюсь. А на кровати моя сорочка шелковая лежит. Вот и склероз тихо подкрался, а я и не заметила, как достала ее из шкафа.

– А тебя каким ветром сюда занесло? – поинтересовалась вслух.

– Видит?! – раздалось снизу.

– Степаненко!!! – взвыла я, шмякнув пуфиком об пол, – поспать дай.

И все затихло. Ух! Угомонился православный, воздав ему мысленно за бессонницу, плюнула на беруши и завалилась спать. Уже в полудрежном состоянии ко мне доносились все те же голоса.

– Все-таки видит. – Проямлил первый.

– Да, видит. – Это баритон.

– Хозяин, откуда она знает, как меня кличут?

– Совпадение, внизу тоже живет Степаненко... змеелов.

Вот и в телевизоре некий Степаненко жить народу не дает, – подумалось мне.

– Что делать? До двенадцати менее двадцати минут, а она кулона еще не надела. Переместить его на подушку?

– Долго, – ответил второй, – нужно иначе.

– Котел водный испортили, мыло закончили... – шепчет первый. –

▲Сорочку заколдовали, воду заговорили... что ей еще надо?

– Скажи, сорочка теплая или холодная. – Поинтересовался баритон.

– Холодная.

– Вот и ответ...

Я уже спала, я уже основательно спала и перед глазами светлячки роем проносились и в салочки играли. И тут до меня доходит, что в комнате становится жарко. И не просто жарко, а душно и очень.

Подушка летит на ковер, за ней вторая. Лежу, все так же жарко, я одеяло сдвинула в сторону, не раскрывая глаз, забралась под простынь. Распласталась как черепаха на солнышке, легче стало ненадолго.

Все, следующей станцией ночных перемещений станет пол. Там точно прохладнее. И вот тут моя рука коснулась холодка. Пошупала, узнавая по

ткани дышащую прохладой шелковую сорочку. А вот и мое спасение. Не глядя на шов, изнанка или нет, натянула и довольная улыбнулась.

– Видишь, как просто, – прокомментировал баритон.

– Просто? До двенадцати еще минута.

– А дело уже сделано. – Позитивно заметил владелец баритона.

Голоса из телевизора звучали радостно. Я тоже улыбалась, обретая комфортную температуру для сна. Заснула наконец-то, с мыслью о прекрасном. О мужчине прекрасном, конечно же. Место подле меня хорошей нынче вакантно. И где ты, принц? Приди ко мне, укради во сне и стань долгожданною любовью.

♣3

Проснулась, когда под окном закричали петухи... Вот те раз, я села в кровати со странным постельным бельем и постаралась продрать глаза. Какие петухи в городе на шестом этаже. Оглядываюсь.

Уже утро и утро это было в далекой глубинке. Над головой простирается выбеленный потолок с пересекающими его деревянными балками, подо мной массивная кровать с периной, а вокруг деревенские апартаменты в стиле «Лето у бабушки» точнее «У прабабушки». Заметив арбалет, висящий на стене, исправилась «Лето у прадедушки в охотничьем домике», последнюю догадку подтверждали три шкуры на полу.

Я присвистнула. Приехали! Выходит: я купила испорченный коньяк для Павловны и теперь меня от паров лишь глючит. И лежу явно где-нибудь в камерке дворца культуры или на кушетке в инфекционном отделении под капельницей...

Что же тогда с остальным коллективом стряслось? Воображение рисовало одну картину ярче другой, но стены больничной палаты так предо мной и не предстали. Предстало нечто другое, то есть другой...

Невысокое создание в плаще с накинутым на голову капюшоном смотрело на меня выжидающе. А я испуганно таращилась в ответ. А как не испугаться? Лицо гостя было покрыто шерстью, ни дать ни взять человек-волк с поросычьим носом. Не поверив в реальность видения, представшего перед взором, дотянулась к нему и нажала на пяточок. Гость дернулся, и холодная мелко-пупырчатая кожа ткнулась в мою руку.

– Вот черт! – выдохнула, вскакивая с кровати и выставляя вперед подушку.

– Правильнее будет сказать «вот бес!». – Поправил гость. И галантно поклонившись, представился. – Я бес.

– Вот черт! – это уже с воплем. Дверь слева грохнула об стену и деревянные поделки под потолком заходили ходуном от движения следующего гостя.

– Что происходит? – в горницу влетел статный синеокий, темногривый – волосами такую копну не назовешь, красавец. Оглядел нас и заправил в ножны странный светящийся клинок и черный хлыст, скрутив, закрепил на поясе.

– Я спрашиваю, что здесь происходит? – спросила мечта всех рекламных агентств. Я, молча им восхищалась, и звенящая на полу челюсть восхищению вторила. Если бес подходил для рекламы лезвий «Gillette», то второй для рекламы шампуней, отбеливающей зубной пасты, цветных контактных линз, годового абонента в тренажерку, дорогих автомобилей и шикарной жизни в целом. Мечта!

– А вот и черт. – Подсказал бес.

– Атас! – под прищуренным взглядом второго, попыталась прикрыться подушкой, крепко ее к себе прижав. – П-п-парни... Уважаемые, – тут же исправилась, – я куда попала?

– В гости. – Подсказал бес.

– Это понятно. К кому в гости?

– К черту и бесу.

– Шутите?

– Нет, Вы призваны стать жертвенницей через тридцать дней в свадебном обряде высшего.

– Идите к дьяволу!

– Попрошу не вызывать Повелителя. – Подал голос красавец, и баритон приятно наполнил пространство. – Он занят.

– Мать вашу за ногу!

– Повторное оскорбительное напутствие в отношении моей матери неодобрительно скажется на вас. – Добавил черт, присаживаясь на сундук.

– Вот черт! – красавец поморщился. Я удивленно на него воззрилась.

– Я уже здесь, зачем зовете?

– От балды! – я села на перину. – Мамочки мои...

– Две мамы – это хорошо. – Подхватил бес. – Видимо, детство у вас было замечательное.

– Детство у нее было замечательное.

– Вот черт! – перебила я, на что он вновь поморщился.

– А «Мамочки мои» это просто выражение, бес. – Завершил мысль черногривый. – Девушка, перестаньте призывать, так и до моих головных болей недолго.

– Да идите вы к лешему!

– Пойдем, – заверил черт, – мы к нему записаны на понедельник.

– Храм жертвенницы осматривать будем. – Поделится информацией бес.

– Упыри... – протянула я.

– Он нет, точно, а во мне кровинка такая есть, – просиял бес, показывая зубы.

– Мне плохо. – Закатив глаза, рухнула на перину, в лучших традициях обморока кисейных дам. То бишь, падая, попыталась проснуться. От чувства падения во сне все просыпаются. Так? Так! Вот и я решила этим воспользоваться. Все вокруг вздрогнуло, зашевелилось. Дав себе время на нормальное пробуждение, я через минуту открыла глаза. Перед взором предстала знакомая и до боли родная квартира. Нахожусь я в родной постели, под моей родной простыней и все вокруг лежит именно на тех местах, где и должно. Протирая глаза, села.

– Господи, ну и жуть приснилась! – надо бы смыть с себя это наваждение, иначе светляки и бесы с чертями дальше мерещиться будут. – В душ срочно!

Вскакиваю, бегу к двери, открываю, а там...

– Что, полегчало? – бес, по росту еле достигающий уровня моей груди, подмигнул и прищурился, – так и знал, что тебе в своих владениях свободнее будет.

– Аааааа... – протянула я, ничего не понимая, и чуть на пол от ужаса такого не брякнулась. Да у меня галлюцинации длительного характера и харизматической внешности, подумалось мне, когда в поле зрения попал черногривый.

– Чего бледнеешь? – спросил он, взмахом руки приглашая в деревенскую кухню с печкой в углу.

– Не ела, наверное. – Предположил бес, распахивая предо мною двери шире.

– Садись, сейчас покормлю. – Сообщил красавец. Сам он уже что-то

с аппетитом ел. А пригласив меня к столу, шевельнул пальцами, и на белой скатерке появились тарелки с едой.

Ближе подошла, села, принялась. Пахнет вкусно, а выглядит так... будто это уже кто-то кушал.

— Кто готовил?

— Печка. — Простодушно ответил черт. — Яства здешней кухни.

— Ваши яства выглядят на порядок аппетитнее.

— Это я готовил, — восторженно бес, крутящийся у печки.

— А мне такое можно? Кстати, а что это? — от перечисленных ингредиентов аппетит отбило. — Нет, мне такое нельзя. Спасибо, обойдусь.

— Как же обойдешься, мы сейчас в путь собираемся. — Сказал черногривый.

— Счастливого пути вам.

— Ты с нами. — Черт отодвинул тарелки и встал.

— Как с вами? Куда?

— В храм два дня пути на лошадях, выдвигаемся сегодня, чтобы успеть к полнолунию.

— А пальцами щелкнуть и переместить слабо?

— Нет, в этом мире моих сил хватит на ваше перемещение в любую точку. Вот только в менее аппетитном виде. — Кивнул головой в сторону тарелок, что вызвал своим щелчком. — Приятного аппетита.

— Но... — дверь хлопнула, он ушел. — А чтоб тебя...!

Перекосило! — бросила взгляд на притихшего беса, — чего?

А он капюшон с головы снял, являя мне заостренные ушки и круглые рожки, и говорит, глазами красными вращая:

— В мире этом слово пришлых силу имеет, что скажешь ты доброго или плохого — сбудется.

— Да? — раскинув руки, подняла голову вверх и провозгласила. — Я хочу домой!

— Сбудется со временем... — добавил бес.

— А сейчас нельзя?

— Никак, вам месяц жертвенницей быть, а потом отпустит.

— А я-то думаю, когда из меня эта дурь выветрится. Месяц и отпустит, то есть развеется...

— Да, — отвечает он. — Обряд пройдет и все на том.

— Хорошо подожду. А что жертвеннице суждено делать?

— Собираться, — напомнил явившийся в дверях черт. На стул передо мной одежду поставил, сверху сапоги и вышел.

— А мне в своем нельзя?

— Нельзя, стыдно. — Бес ответил, оглядывая мою сорочку.

Вспомнила, что апартаменты мои здесь. Значит, одежда должна быть, крема, масла, средство от комаров. А что, я продуманная, паниковать и волосы рвать из-за затянувшейся галлюцинации завтра буду. Отпуск у меня на месяц, и я здесь на месяц. Все нипочем! Приду в себя, поеду на Азовское море, как планировала. А до тех пор посмотрю, что за мирок мне чудится. Я к шкафам, а они, вместо наполнения моими вещичками, выбеленные стены внутри себя хранят.

— И что ж я без косметички? Что за сон без удобств и привычных вещей.

— Тебе по нужде надобно? — объявился за спиной бес.

— Да. Где у вас тут комнаты?

— Аааа, — протянул мохнатый в окно, указав, — видишь, деревянный домик в огороде.

— Вот этот деревянный перекошенный? — проследила я за его рукой.

– Он самый, – сообщает бес. – Вот за ним и устроишься, а руки

▲помыть я тебе водичкой полью.

– Это что, даже не домик с ямой выгребной?

– Тут такого отродясь не видели.

– А сделать?

– Лопата в домике. – Напутствовал бес.

– А самостоятельно?

– Так ступай и рой самостоятельно. – Прищурился плут мохнатый.

– А магия вам зачем? – спрашиваю, руки на груди сложив. Я может, и не отродясь городская и копать умею. Так мне что ли с тяжелой работой справляться, если тут и черт и бес рядом околачиваются? Пусть роют и Бог им в помощь.

– Я ее в этом мире лишен, – бес плечами пожал, – хозяин владеет.

– Так чем черт не шутит? Пусть сподобится выкопать и домик сдвинуть.

– Ты опять? – перед нами красавец жгучий объявился.

– Мне бы ямку выкопать вон там, – я на домик указала.

– Тебе бы ямку выкопать, домик сдвинуть и воду в трубах подвести? – прищурился красавец недобро.

– Да.

– Так тебе надо, ты и копай.

– И что ты злой, как черт?

– А я и есть черт!

– Так пальцами щелкни! И сделай. Ты ж умеешь.

– Ты копать тоже умеешь. – Отвечает синеокий черногривый, глазами сверкнув.

– Что? – я руки в боки. – Чтоб я на вас еще и корячилась! И территорию вокруг дома обустроивала? Закатай губу обратно!

– Лучше я рукава закатаю, и хлыст в руки возьму. – Говорит, рубашку по локоть заправляя.

– Хэх! Тоже мне грозный папик! Рукава закатывайте и лопату в руки берите и чтобы...

Вдруг во дворе топот копыт раздался. Бес, крадучись, к окну подошел, занавеску из моей квартиры отодвинул и выглянул.

– Не успели, – сказал и тут же штору задвинул. – Охотники короля пожаловали.

– А у вас тут и король есть!? А красивый?

– Некрасивый и жестокий. Жертвенницу нами вызванную ищет.

– Допустим не вызванную, чтобы вызвать позвонить, нужно или приглашения разослать, а вы... кстати, а вы что сделали?

▲ – Об этом позже, одевайся.

– Что? В это старье? – возмутилась я. – От такой мешковины у меня кожа пузырями пойдет.

– Это добротное сукно. Одевайся, а не разговаривай. – Велел он. А бес всю следы нашего присутствия стирает. Видение моей квартиры убрал, кровать заправил, шкуры на полу от центра отодвинул.

– А если не одену?

– Поедешь так, – кивнул на мое одеяние черт.

– Устраивает, поехали.

– А вот так? – гад синеокий шевельнул пальцами и сорочка моя в воздухе растворилась и вместо нее на шее кулон повис.

– А легко, – отвечаю, не краснея и рук к груди не поднимая. Если видение мое, то мне в нем правила устанавливать. Значит, комаров в лесу не будет, разбойников тоже. Я тела своего не стыжусь, гарная дивчина. –

Помчались, что ли?

– И не стыдно?

– Мне – нет, а ему – должно быть. – Отвечаю бесу, и в черта пальцем ткнула.

– И не стыдно время терять? – бес от меня отмахнулся, и на хозяина своего с укоризной посмотрел. – Срамота страшная. Оденьте девку.

– Галю. – Подказала я. – Меня Галиной зовут.

– Рад знать имя ваше, Галя. – Ответил мохнатый. Вот тут же неприятное давление на кожу ощутила. Смотрю, и впрямь мгновенно одел: в штаны шаровары, рубаху расшитую, сапоги и телогрейку светло-коричневую, а теперь поясок невидимыми руками на мне завязывает.

– И что вы комедию разыгрывали, – я поясок в свои руки взяла, потуже затягиваю. – Трудно сразу было?

– Трудно.

Тут в домике шаги раздались, меня черт поперек живота ухватил и через окно выскочил, а бес за ним, склянками на поясе звеня.

– С твоим колокольчиком нас вскоре достигнут.

– Да нет, – отвечает бес весело, – с моим звоном нас не увидят, пока бежим. А пока не увидят, из арбалета не подстрелят.

Однако весело тут у них, экшен настоящий.

– И долго бежать? – спрашиваю, так как черт меня с себя сгрузил и за руку в чашу тянет. А трава вокруг по пояс и ветки сосновые к траве очень близко, бежим в три погибели согнувшись, неудобно.

– До опушки. – Подал голос черт. – Пока не уйдем за территорию охотничьих угодий короля.

▲ – А дальше?

– А дальше лошадьми дня два. – Бес отвечает.

– А я лошадей боюсь! – я на месте стала, а бес подле меня. Тут «вжик» стрела, перед самым моим носом.

– Мама! – я воплю. Когда другая рядом пролетела, – черт!

– Я здесь, – кричит красавец, меня на плечо взвалил. – Бежим!

И побежали, впереди нас бес, а стрелы следом. Черт как заяц из стороны в сторону прыгает, меж ветками петляет и от стрел уворачивается. Я на плече трясусь и внутренне и внешне.

Вот же ж попала!

Я редко так попадаю, а если редко, то метко.

Как-то с подругой Женькой решили в салочки поиграть, время было детское два часа ночи, возраст маленький – последний курс универа, выглядели мы прилично – только-только из клуба выползли, понятное дело: каблуки и юбки и шаг нетрезвый от бедра. Уж лучше бы мы такси вызвали, или на худой конец и далее шагали от бедра, а не молодость, то есть детскость, вспомнить решили. Но настроение было игривое, головы шальные решили: в салочки, так в салочки. Женька с низкого старта рванула первой, я за ней.

Если бы приближение двух ржущих девиц не спугнуло вора карманника, а затем и авто угонщика мы бы просто пробежали квартал или меньше него и все на том. Но нет.

Под наш хохот какой-то хмырь стянул сумку у мужика в черном фраке, он бежит, улепетывает, а мы сзади, подгоняемые пострадавшим мужиком. И нет, чтоб в сторону свернуть, давай за этим штуцером, а он между машин решил пробежать, а там второй с отмычками. Первый навернулся, второй

грохнулся. Мы сверху, потому что каблуки дело тонкое, инерции не противостоят, мы ржем, те матерятся, сирена на полицейском авто орет, мужик молчит, хватаясь за сердце.

Когда нас в СИЗО закрыли, как соучастниц, выяснилось, что мужику во фраке повезло вдвойне – и с сумкой, и с машиной – обе ему принадлежали. И нам соответственно тоже вдвойне, чуть было не прошли по статьям кражи и угона.

Спасибо мужчине во фраке, он тоже в тот вечер в клубе отдыхал и нас веселых видел. Злым юмором не отличался, по доброте душевной отмазал. ♣Мол, девчонки спортом ночью на каблуках занимались, включились вовремя в преследование и помогли с задержанием. Под объяснением этим мы и расписались.

А что такого!? Некоторые, стерпев побои от благоверных, чтобы не признаваться в неумении уворачиваться или отвечать, пишут и о том, что вишню собирали и с лестницы грохнулись (это среди зимы на фрукты мороженные потянуло). Пишут и о том, что кота вели на кастрацию, а животинка оказалась против. А если к мордашке пострадавшего присмотреться, то животинка была не только очень против, но и здоровой, да и с маникюром, и вообще, не кот, а кошка. Этих историй мы тоже в СИЗО наслушались.

До девяти утра сколько просидели, столько и прослушали. А вспомнилось, от того, что еще два дня голова гудела так же, как сейчас.

Пока я размышлениям предавалась, бес и черт со мной в нагрузку успели от нападавших оторваться, стрелы над их ушами и моей пятой точкой уже не свистели, вокруг наступила тишь да гладь. Но, как говаривала моя прабабка – это тишина явное свидетельство перехода из грозowego молчания в гробовое.

– Спешились, – молвил черт, и меня на ноги рядом поставил. Мы к этому моменту как раз до опушки добрались, где на полянке лошади мирно пасутся.

– Аккуратнее надо, – посетовала я. Стою, пошатываюсь, но руки его от себя в стороны отодвинула, – и не кантовать!

– И не буду, садись в седло.

– В седло, – для непонятливых продолжает, – сядь сверху, лошадь оседлай, займи седалище.

– Мое или твое занять? – смотрю на лошадь, брррр, кошмарная скотина. – Не сяду и не подойду. Я не для седловой жизни создана.

– Да-да, – смеется черт, – для скаковой на мне.

– Какая хорошая идея. – Чуть не облизнулась.

– Ты зубы не заговаривай, садись, давай!

– А если я хочу на своих двоих?

– У тебя своих лошадей нет и не было. – Бес говорит. – Ни одной и не двух.

– Слушай бес, иди ты в лес! Я о себе, то есть я своим ходом – ♣пешком.

– Тогда может и в своей одежде. Легко!

– Вспомнила, что на мне здесь своего осталось, и за него испугалась. Вот не выдержу/ ведь и вряд ли сдержусь, и врежу. Да так, что мало не покажется.

– Знаешь, рогатик, а не пошел бы ты, касатик, после вашей пробежки грибочков по лесу искать.

– Что делать, – говорит красавец, – пойду, раз просишь.
Глазами синими сверкнул и ушел.
– Все, – вслух сообщаю, – хочу себе серьги под цвет его глаз! А еще парик черный из вот такой же гривы и... да, мужика такого хочу, и чтоб на руках с легкостью таскал.
– Что за оказия с этими жертвенницами, – бес руками всплеснул. – Все его раздеть хотят, так ты еще и разделать!
– А много их было? Жертвенниц?
– Ты седьмая.
– А живые остались?
– Наверное, остались. – Макушку почесал, прищурился. – Трудно сказать, черт их щелчком назад переправлял.
– Сразу в цинковый?
– Что «в цинковый»?
– Значит сразу. Что-то мне в кустики захотелось. Я пойду вон в те, – с травы поднялась, в сторону кустов указала. – Не подглядывай.
– Как не подглядывай, если за тобой приглядывать нужно? – он на меня посмотрел, сжалился. – Ладно, а ты далеко не уходи.
– Что? Чтоб ты подслушивал?
– И не подумаю. – Бес от меня отмахнулся.
– Это я и не подумаю рядом размещаться. И вообще, сильно приглядывать хочешь, до кустиков за ручку проводи.
– Иди, иди. Справляй нужды.

▲4

И пошла я к кустикам. Под первыми выбранными явно кто-то богу душу отдал, вторые цвели и пылью все вокруг покрыли, третьи были редкими, четвертые колючими, а за пятыми я и забыла, откуда пришла. Оглядываюсь, а рядом ни полянки, ни беса, уши заткнувшего, нет, и черт, блин, черт знает где.

– Ну, что за чертовщина! – топнула ногой в сердца. Поворачиваю, иду к кустам колючим, затем к редким, от них к пылящим, а рядом никого. И лес другой какой-то. Зову их тихо.

– Черт?! Бес?! – и тишина, – да чтоб им пусто было!

А из-за соседних кустов голоса слышатся – два, оба мужские и страшные по своей тональности: один скрипит, второй басит. Никак мордovorот душит тощего.

– С наживой сегодня не густо. Влетит от главаря за то, что девку упустили. – Сипящий произнес понуро.

– Сдалась она ему? Все девки как девки, а эта только и делает, что плюется. И плевать ей на запреты с высокой горки.

Разбойники! Мама родная, про какую-то сбежавшую говорят. О девице, что позарез нужна их главарю. Молодец девка, хвалю за находчивость! Опоила главаря якобы лечебным соком, а когда ему «Хорошо» от сока стало, вызвалась найти нужную траву озерную. Заманила стражей – сипящего и бсящего к озеру и мерным брасом в камыши. Там-то не умеющие плавать разбойники и потеряли из виду голову ее рыжую.

Молодец рыжая. Голова! Вот только бы не стать ее заменой.

Я осторожно, кустов не задевая, в сторону шагнула и, как распоследняя неудачница, наступила прямоком на громко хрустящую ветку. Мужики в кустах замолчали. Вот же ж! Е-к-л-м-н! И здесь закон подлости работает, все как в жизни. Я еще шаг и опять на ветку, которая по жанру триллеров треском обозначила мое отступление.

– Видишь? – спросил скрипящий. Вот черт, меня засекли!

– Вижу, – послышался басовитый ответ. И эти двое напролом через кусты ко мне продираются, а я от них.

– Черт! Черт! Черт! Черт! – бегу, задыхаюсь, но выговариваю. – Чеееерт!

И хоть бы хны! Ни черта, ни беса. Поляна справа, лес слева. Из двух ♣диспозиций выбрала наиболее затененную – побежала в лес, треск ломаемых сзади кустов и довольные вопли преследователей, вышедших на охоту, подстегивали бежать во всю прыть. Не останавливаясь, даже когда бок заколол, и воздуха перестало хватать на призывное «Черт!», а спустя пару десятков метров и на дыхание тоже.

– Черт?!

Да, блин, не работает, не отзывается. Неужели обиделся гривастый? Да залезу я на ту лошадь, и на пони залезу! Только бы не попасться, только бы не...

Откуда корень под ногами возник, не знаю, но за сальто и кувырок через голову из-за него я бы на вечно пропускаемых парах физкультуры получила бы высший бал. В этом чудном мирке моих фантазий после первой подставы закон подлости не ослабевает, а наоборот – набирает обороты. Акробатический кувырок и громкое падение на кухонную утварь стали завершающим аккордом в погоне.

Разбойники как глупую зайку загнали меня к своему стойбищу. И почему в этих сказочных условиях я не создала прототип навигатора из игры Call of Duty 4 или хотя бы из Gotika?

Лежу, пытаюсь косить под дополнительную кастрюлю в груди их казанков, чанов и мисок, смотрю в небо сизое и, что есть силы, матом крою и черта и беса и этих двоих из кустов появившихся. Отдышаться не дали, подняли как добычу за шиворот, представив группе собравшихся на полянке.

Мечты сбываются!

Как-то в юности я все думала, как чудесно будет крутить романы с пятнадцатую парнями. Пятнадцать парней, с которыми я бы начала встречаться в первых числах марта, чтобы не разоряться на 23 февраля. Ведь это и подарки, и прогулки, и выходы в свет или в сквер – у кого на что фантазии хватит. А главное, все-все вечера заняты. И надоесть даже самый заурядный парень не сможет никак! F! Потому что видеть я его смогу лишь дважды в месяц.

Особой сложностью в моих грезах было представить, как они отреагируют, если, не дай им Бог, соберутся все вместе и поделятся информацией обо мне такой неуловимой, вечно занятой и красивой. Так вот... то, что я не могла представить тогда, сейчас предстало во всей красе и с такой яркостью, что мне опять захотелось в кусты, к которым я все никак не доберусь.

Мужики, ровно пятнадцать человек, включая и того, кто меня удерживал за шкурку, были мне рады. И не просто рады, а так, словно ♣успели перемыть все мои косточки, пожаловаться на капризы и требования бросить пить, курить, по бабам шастать и мало зарабатывать. А в их случае – уйти с большой дороги или темного леса и податься в казначейство уже известного короля, чтобы работать, то есть грабить, по крупному. А как иначе? Я девушка с запросами. Со мной – либо по-моему, либо никак.

– Черт! – взмолилась я сдавленно. Вспомнила, что призыв его с недавних пор не работает, тут же меняю тактику, – дьявол!?

– Дьявол! Дьявол! Дьявол... – и тишина. Ни грома, ни молнии, ни дьявола, из всех возможных изменений – только у разбойников глаза стали какие-то удивленные и большие.

– Эй! Это не наша жертвенница, – подал голос здоровый мужик с зеленой кожей – явным признаком отравления. – Наша рыжей была.

– После озера перекрасилась. – Нашел выход из положения голосом скрипящий. Выходит и у этих жертвенница есть. И сколько нас тут? Да сколько бы ни было, выпутываться нужно. Меня компания черта и беса устраивает больше, чем толпа одичавших и истосковавшихся. По чему бы не тосковали: по кухне домашней, стираному белью, нормальной ванне или ласке, я с такой толпой не справлюсь, пусть и не просят.

– И ни фига не перекрасилась, меня украли! Слышь, ты! На землю положи!

– Чего? – удерживающий меня разбойник удивленно покосился, в затылке почесал, но не отпустил.

– На землю меня опусти.

– А с чего вдруг? – задался вопросом басовитый.

– Зенки выколю! – вспомнились варианты устрашающих обещаний из советского кино и не только советского. – Моргала на подбородок натяну, писаться кровью неделями будешь!

– А он уже! – хохотнули разбойники, и басовитый меня отпустил.

К этому моменту лицом зеленый ко мне подобрался, за подбородок крепко взял, принялся рассматривать.

– А ничего так, – прокомментировал главарь. – Не краше нашей, но тоже ничего.

– Что?! – мой вопль прокатился над поляной.

– А что? Кулон жертвенницы на шее висит, по лицу видно – не здешняя. – Четырнадцать муда... главаря смешками поддержали. – Если наша сбежала, мы эту возьмем, а потерявшие тебя пусть рыжую ловят и демону представляют.

– Я не...

– Цыц! – за этим емким пожеланием помолчать, меня скрутили, **▲**кляп в рот запихнули и на лошадь поперек хребта водрузили. Мое сдавленное мычание их только рассмешило. Вот черт! Где же ты бес мохнатенький и чертяка синеглазый? Эх, ребятушки,... не сберегли девицу! **▲5**

Приведя из лесу двух соколов черт заволновался, не увидев жертвенницы Галины подле беса. Кустики кустиками, но нельзя же в них без причины полчаса пропадать, а именно столько его и не было. Пока договорился со стаей орлов о перелете, пока выторговал двоих вместо одного, оказалось, ушло не только время, но и жертвенница их «безупречная», то есть которая и слова не скажет без упрека.

– Что значит, в кустики пошла?

– По нужде, – замялся бес. – Помните, она еще там в домике охотничьем хотела.

– И в какие кустики пошла? Тут кустиков не сосчитать сколько. Вся поляна вплоть до темного леса.

– Хозяин, не гневайтесь. Девица хоть и бесстыдница, а скромная, просила не подсматривать и не подслушивать. Что ж, мне наперекор ее просьбе нужно было?

Звук крадущихся шагов прервал их. Из синих кустов в отдалении вначале появилась одна голая женская ножка, затем другая.

– Скромная говоришь?

– Так, может быть, это не наша? – предположил бес, когда из кустов задом выползла девица в одном исподнем.

– Не может, помимо нас с представлением жертвенницы более никто не опоздал. Галина?

Девушка вздрогнула и обернулась.

– Не Галя. – Бес ближе подошел.

– Но тоже жертвенница. Потерялась?

– Судя по лицу и одежде, сбежала вплавь.

– Девушка, Ввам помочь? – Нардо окликнул ее, приветливо улыбнувшись.

Девушка на пальцах попыталась что-то подсказать, но черт и бес не вникли в смысл сказанного.

– Это что только что было?

– Кажется, она показала средний палец. – Почесал макушку бес.

Девушка на вид была та еще проказа. С такой лучше не связываться. – Может пальчик уколола?

– Да? Тогда, наверное, и сгиб локтя, по которому она треснула второй рукой.

♣ – Хозяин она еще более странная, чем Галя. – Помощник придержал его за рукав рубахи. – Не приближайтесь к ней.

– Да, от Гали подобного ждать не придется, – согласился черт. В это время девушка шлепнув себя пониже спины, сверкая пятками, убежала в противоположную сторону.

– Если бы я из кустов ее способом выбирался, то сидеть бы потом не смог, а она себя еще и шлепает.

Очнувшись от раздумий, бес потянул хозяина в сторону:

– Эта пропажа сама по себе через час на родную землю вернется, а нашу Повелитель избрал. Где бы ни была, а куда месяц не пройдет, домой не воротится.

– Да, торопиться нужно, вдруг в беде, явно ушла далеко и криков ее не слышно.

Ехать на кляче кверху «пятой точкой» и наблюдать за тем, как копыта монстра то приближаются ко мне, то удаляются, было страшно. И все-таки, я старалась вспомнить основы переговоров с похитителями и террористами.

Угрозы, слезы, моления, шантаж, обещания большого выкупа... Вот! Вот оно! Черт меня сюда приволок, черт пусть и откупается. Невозможно ведь, чтобы такой статный муж... хм, черт, и без гроша за душой. Магией его тут уже обделили, это ясно, но может возместить сподобились дензнаками?

Кстати, что значит «тут»?

Во-первых: «тут» – это где?

А во-вторых: сколько еще таких «тут»?

Осталось узнать, чего в этой сказке жертвенница стоит. Ох! Как нашла вариант выхода из положения, так и легче стало. Относительно легче стало, потому что копыта коняки все ж нервируют не по – детски, в кусты я так и не попала. Да и что может быть ужасней: первую половину дня вверх тормашками провести?

Мои мысли были услышаны только через полчаса. Когда караван проходивцев из темного леса спешил, меня они «спешили» весьма резко – скинув на землю. Ловить было некому, так что грохнулась я на травку безвольным кулем. Рядом рухнула чужая поклажа с котелком, черным от сажи.

♣ Лежу, детство свое вспоминаю. Вот уж точно, где бы и как бы ни упала, все нипочем. И гордость не ущемлена и синяк не набит, чаще всего

парой ссадин падения мои обходились. А тут... Нечто не знают, сволочи, что с девушкой аккуратными нужно быть. Я ж хрупкая – относительно, нежная – основательно, я ж теперь и обидеться могу за синяки наставленные. Но иродам этим плевать, снуют из стороны в сторону лагерь разбивают. Кто по дрова, кто за водой, а трое громил надо мной стали, руки-ноги развязали и кляп вытащили. Воды хотелось страшно, хоть бы дать попить догадались! Но нет, у них на мой счет свои планы и стоят они надо мной, чтобы их озвучить.

– Эй, ты! Жертвенница. Вставай, иди готовить.

– Да, что ж за жизнь здесь такая, – возмутилась я хрипящим голосом. – Одним сама копай, другим сама готовь. Парни! Вы думаете, я со своим будущим благоверным наготовиться не успею? – встала на негнущихся ногах, начала их медленно разминать. – Еще как успею!

– Жрать готовь. Не разглагольствуй! Е! – рыкнул лицом зеленый.

– А сухари моченные?

– Нет, мы не замачивали. – Буркнул тот, что справа. Афоризмы и выражения крылатые они тоже не воспринимают, отметила я.

– А вам морковки не натереть?

– Фууу, морковь терпеть не могу! – детина слева позеленел, прям как их вожатый.

– А я редьку! – слышалось за их спинами.

– А мне картошка не нравится, особенно вареная... – уже другим голос вклинился в общий строй высказываемых заказов и предпочтений.

– И мне немного без мяса сделай, – рукой махнул вожак, лицом зеленый.

– Тихо! – рявкнула я. – С чего вы взяли, что я готовить соглашусь? Нашли рабу!

– Так ты ж жертвенница, никуда не денешься. – Ухмыльнулся тот, что справа.

– Еще как денусь! Грибочков нарежу, и черта с два вы поймете, что там намешано.

– Я те дам! – вожак, рукава рубахи закатал, явно готовясь к выдаче.

– Ну, давай! – вспылила я и котелком вооружилась.

Он на меня посмотрел, потом на котелок, усмехнулся и понял мою боевую позицию по-своему:

– Герман, – лицом зеленый обратился к детине справа, – дай ей провизии, сколько нужно. Сам помоги, если потребуется и пусть заткнется.

▲Иначе...

У меня аж зубы от такой наглости свело. Я к войне готовлюсь, котелок для самозащиты взяла, а он еще и выкручивает!?

– Иначе сам заткнешь?!

– Нет, закатаю! – вожак сделал шаг навстречу с таким лицом, что я непроизвольно отступила.

– По банкам или по бутылкам? – спрашиваю.

– Что по банкам? Или по... бутылкам? – не понял он. Пришлось разъяснять, а самой страшно, с таким лицом такие, как он, и закатывают.

– Меня закатывать будешь по банкам или по бутылкам?

– В болото закатаю!

– В этом или в том, что прошли? – поинтересовалась я, вовремя вспомнив, что жертвенница им все же нужна.

– А тебе знать зачем? – Герман нахмурился.

– Цветочков на могилку нарвать, – отвечаю, ухмыляясь, – с грибочками!

– Герман! Убери эту... к черту!

– И я за это! – вывернувшись из рук громилы повара, вновь предстала перед главарем. – Но чертяка полосатый не откликается!

– Кляпом заткни и пусть готовит! – бросил тот уходя. Здоровенная лапища повара опустилась на мое плечо, пригвоздив к земельке намертво.

– Пошли, скоро время обеда. – Молвил Герман, увлекая меня за собой. И вот тут мой животик бурно поддержал тему о готовке.

– Эх! Блин, я тут гостья, а пахать буду, как своя.

Покосилась на увальней лесных с лицами удрученными, решила согласиться с трудовой повинностью. Кто ж знает этих проходимцев, если не соглашусь, то и сама ничего не съем.

Герман меня к поклаже подвел. Смотрю: и толи они набег на деревеньку успели сделать, толи от них здешние откупаются, оставляя провизию, да с собой у них не хилый воз с продуктами. Не просто живность, набитая в лесу, а даже овощи в мешках и что-то по корзинкам.

– Ну, и что делать?

– А вот что, – верзила, оглядывая поляну со снующими туда-сюда мужиками, начал рассказывать, – нас пятнадцать человек. Значит: Симорт любит копченое мясо, Якеш рыбу, я...

– А ну, погоди! Ты в шайке поваром?

– Ну, я. – Довольным голосом ответил разбойник.

– Раз так, отвечай: ты как раньше готовил?

– Один казан на всех. – Одним мощным движением он спустил

▲тяжелый мешок с телеги.

– А как же их предпочтения?

– А мне-то че?! Ели и не тявкали.

– И ты думаешь, я сейчас каждому в отдельности готовить буду? Ага, разбежалась!

– Так ты ж жертвенница! – возмутился он.

– Да что с того? Я что робот вам или кухарка наемная?

– Ну, так... – прищурился недобро и надо мной навис с угрозой в голосе, – ты жить хочешь?

– Я жить буду, а готовить по запросам – нет. Двигайся, – отмахнулась от него, как от мухи. – Дай глянуть, что у вас припасено.

Наглость – второе счастье, мужик зыркнул недовольно на меня и все же отошел. А я полезла на воз с ревизией. Запасы были так себе, никакого разнообразия. Почти как у нас: картошка, рис, рыба и мясо, что-то желтое, на помидоры смахивающее, баклажаны, лук, ... какая-то дрянь.

– Это что? – я подняла вверх, пучок оранжевой тины.

– Морковь.

– Дрянь это, а не морковь. И я бы тоже такую гадость готовить не решилась!

– Ее Кампок любит, – обиделся Герман.

– Вот Кампок пусть и жует всухомятку. После такого точно заворот кишок заработает. А значит минус один, и останется четырнадцать мужиков и я. А если найти еще пару любителей оранжевых бодылей, то минус этих самых любителей.

– Слышь ты, девка, я тебе наших травить не дам!

– Значит, сам отравишь... – буркнула я под нос и сдвинула мешковину в сторону от других корзинок. Нашла яйца, курицу без головы ощипанную, но не обожженную, и муку. Вслух возмутилась.

– Хоть бы перец болгарский был или помидоры и еще масло из подсолнечника, а лучше и то и то...

– Так есть! – обрадовался он.

– Так давай. А пока вытаскиваешь, значит слушай мою команду: мне

нужен поваренок, огонь под два казана, один под картошку отварную, другой под овощи тушеные и еще два детины-дубины.

– Кого?

– И еще двое таких же, как ты, мупсик!

– Не дури... – протянул он кровожадно и руки в кулачищи сжал.

– Ладно, черт с вами с мужиками! Не поймешь когда ласково можно, а когда грубо нужно. Значит: мне тебя, громила, и вот того, с кривым носом ♣и этого, безухого.

Здоровяк их подозвал, а потом крутанулся ко мне и ручищей взял за грудки. Подвесив на уровне своего лица, пробубнил сквозь сжатые зубы.

– Меня зовут Герман, второго Кампок, третьего Симорт. Обращайся по именам.

Да, зависнув, трудно придать голосу бравые нотки, но даже тут я справилась. С трудом, но руки сложила на груди и, встретив его взгляд, до конца выслушала тираду.

– А меня не «девка», и не «слышь, ты»! Я Галя и в жертвенницы не записывалась. Так что заруби на своем носу, пока я тебе не зарубила. – Вот тут матерым ударом в его горло заставила меня на земельку опустить. Меня не опустили, а отбросили. Поднимаюсь и подхожу, отряхивая рубашку.

– Еще раз ... – хрипит мужик, – ты... пожалеешь.

– Нет, громила, это ты еще раз ручки свои распустишь и пожалеешь! На вот, – я ткнула ему в руки казан средней величины, – воды принеси и поживее.

Он стоит, не движется, мужики-разбойники, подозванные им, тоже. Оборачиваюсь, руки в боки и с нажимом спрашиваю.

– Кампок, Симорт, чего стали? С одного три костра, обжарка мяса и рыбы, да так, чтоб без крови. С другого – картошку начистить на большой казан.

– А вода тебе зачем? – удивленно спросили все трое.

– А вы с землицей есть будете? Паразитов своих размножать хотите?

– Так если на дне скапливается... – зубоскалят в ответ они. Выходит, тут о паразитах слухом не слыхивали. А если что-то пострашнее паразитов есть? Нет, и в этом деле водные процедуры и тепловая обработка нужны.

– Что, до дна можно не доедать? Нет, так не пойдет. Мыть! И живее давайте. Я уже не есть, а жрать хочу.

♣б

Тяжела работа повара при таких умниках, как эта троица. Нет, чтоб сразу слушаться, они либо вопрос бестолковый, либо умозаключение выдают. В конце-то концов, кто готовит – я! Так им меня слушаться нужно, а не готовку маменьки и батеньки вспоминать. Но ничего, и с такими справилась, через час у нас была отварная картошка и рис, к ним овощи тушеные и отдельно запеченные мясо и рыба – на выбор, так сказать.

Ели каждый со своей миски, предварительно вымыв руки и столовые приборы, зеленого лицом заставила выпить натошак с пол литра отвара от картошки. Это было сделано из сострадания к себе родной и любимой. Вдруг бы ему после первого отравления хуже от обеда стало. Кто бы тогда меня от четырнадцати осиротевших мужиков спас. Черт?

Да черт с ним! Время от времени и его звала и беса. И бестолку, в ответ – молчание.

Покосилась на соседа справа – лицом зеленого, который уже был лицом румян и уплетал вторую добавку овощей, затем на соседа слева – Германа. Тычок в горло он мне не забыл, поэтому орлом кружил над

головой, отслеживая каждое движение. Поняв, что есть буду со всеми, из того же казана, малость успокоился, но мне съесть что-либо во время готовки не дал. Вдруг я отравы уже сыпанула и ишу для себя противоядие. Такой предусмотрительности и подозрительности можно только восхищаться.

Вот и сейчас повар разбойников отреагировал на мой взгляд злобно, но при этом не забыл звать по имени:

– Чего тебе, Галя?

– Ты вроде как поел...

– Отравила?! – стремительно подскочил он на ноги.

– Нет, не успела! Спросить хотела... но раз ты встал, дай мне компота немного.

– Он с противоядием?!

– Он с сахаром! Герман, дай компота и успокойся, я у главара спрошу.

– Чего тебе? – покосился на меня лицом румяный.

– А кой черт вам жертвенница?

– Традиция. – Сухо ответил главарь.

– Это очень мило. Спасибо за информацию, но отговорка в традиции сего действия ничего толком не поясняет.

– Чего? – подался чуть ко мне главарь.

– Не понятно, говорю, поясните, будьте добры. Что за традиция? Откуда она к вам прикатилась? И какого черта вы жертвенниц коллекционируете? А иногда еще и бесправно меняете?

– А это... – протянул главарь и продолжил смаковать косточку.

– Да, это.

Но главарь молчал. В молчании вожака стаи, мужики каким-то чудом учуяли команду к сборам. Одновременно завершили трапезу, поднялись, сложили грязные приборы на телеге, там же казаны с остатками обеда, ножи, пни, замещающие досточки, для разделки тушек и овощей. Одежда, на которых лежали пока обед готовился, скрутили каждый свое и закрепили на лошадях.

– Эй... уважаемый, что происходит?

В кронах деревьев вокруг поляны что-то пророкотало, а затем и засвистело. Вскочив на ноги, вождь застыл. Прислушиваясь к ветру, гуляющему над кронами темно-синих деревьев, он нахмурился. В эти мгновения кроны ближних великанов с синей листвой качнулись и окрасились серебром.

– Духи жертвенницу ищут, – рыкнул вождь тихо, но так что голос его долетел ко всем разбойникам. – По коням!

– Что? – я встала рядом с ним. – Нет! Я что зря ела? Меня же вывернет!

– Не вывернет, иди ко мне! – главарь свистнул, и ручки в стороны приглашающе раскинул. И пока я ужасом смотрела на приближение его коня, успел не только меня поймать, но и по рукам скрутить.

– Так надежнее. – Сообщил он, вскакивая со мной на спину огромного черного копытного. Уж лучше бы на той другой везли, с нее хоть не так страшно упасть было. А этот – монстр переросток под два с половиной метра в холке, с такого рухнешь и не очнешься.

– Как вас там? – просительно промямлила, не помня, называли его по имени при мне или нет. А когда он меня усадил спиной к себе и, перекинув мою ногу через седло, привязал, справилась с первой оторопью и все же спросила. – А-а-а, может, я ножками, а?

– Убьют тебя, если ножками. Духи натравлены на жертвенниц, не щадят.

– И как выглядят ваши духи?

– Как люди, ток без глаз. И двигаются притче, так что лошади им не нужны.

♣ В это мгновение телега с провизией в воздухе растворилась, а за нею и забытые казанки с чанами на нашем привале. Мгновение, и скрылась с глаз полянка, временно приютившая нас. Возможно, мне привиделось странное серое создание в черных балахонах, замершее на другом конце полянки, и уж тем более взгляд отсутствующих в глазницах глаз, но спина холодом покрывалась.

А стоило только лошадям набрать темп, так все мои мысли переключились на иное.

О, эти седла! Чтоб тому, кто их придумал, спалось крепко и хорошо! Если к седлам и можно привыкнуть, то не сразу, и уж точно не в погоне за ветром, которую устроил главарь. Мы мчались через чащобу синих деревьев, низко пригнувшись, срывая паутину и пауков и кое-где где солнца не было вовсе – росу и слизняков. Увидев одного из них на луке седла, а затем и на своем сапоге, я позабыла о мысленных проклятиях на создателей седел и уздечек, мужиков-разбойников, лошадей и прочей нечестии, в том числе синеглазого черта и мохнатого беса.

Попыталась снять слизняка, за что чуть не оглохла от рыка главаря в самое ухо. Он ни слова не сказал с тех пор, как бросился вскачь и повел за собой людей. К слову о людях, они тоже молчали, припав к лошадям. Памятуя о стрелах от охотников короля, молчала и я.

К тому моменту, как они сбавили темп, молчать было все сложнее, а наблюдение за тем, как слизняк подбирается вверх по моему сапогу и вот-вот коснется штанины, так вообще невыносимым. Вожак развязал мои руки.

– Сбрось их. – Разрешил он. И я с радостью это сделала, с улыбкой от уха до уха, за освобождение от склизкой твари оборачиваюсь и замираю.

– Что хорош? – спрашивает главарь лицо, которого целиком покрыто паутиной, а в волосах притаилась какая-то гадость.

– Безумно, – выдала я и, сжавшись над чумазым, смахнула мерзость с его головы.

– Будь добра, – попросил он с обворожительной улыбкой, – сними еще одного с затылка и с шеи.

Содрогаясь, сбросила и этих:

– Вам что двигаться нельзя было?

– Иначе духи заметят.

– О духах кто нашептал?

– Дриады.

– Чего?! – я вцепилась в него как утопающий за соломинку, – как они выглядят, кто это, что им нужно?

♣ – Нормальные зеленые ба... девицы, – отодрав мои руки от себя, он спешился. – Зубки показать могут острые, если обидишь. Ничего им не нужно, у нас с древесными договор негласный. Мы не рубим их лес, они предупреждают об опасности.

– А откуда дрова для костра взялись?

– Из нашего родного селения, как и воз с провизией. – Он стянул меня, явно предположив, что ноги затекли, затем почему-то снял седло и поклажу с коня, а потом и уздечку.

– А вернули как?

– Перебросом. – Главарь хлопнул ладонями, и отпущенные пастись взмыленные лошади исчезли, хлопнул еще раз и на их месте явились следующие. – Мы даем им сигнал о том, что прибыли, чтобы прислали, а

затем повторный, чтобы забрали.

– Почему они вас так к его темному величеству не прислали?

– От того, что переселенец будет как твое овощное...

– Рагу, которая икра?

– Да.

– Ха! А у черта наподобии этого получается вся местная стряпня.

– А вся местная на это и похожа. – Кивнул вожак и присвистнул, призывая коня. К нему приблизился черный монстр с белой звездочкой на лбу, ростом выше предыдущего.

– Что, опять?

– Опять, Галя. Еще пара часов езды, а потом ужин.

– Нееееет! – протянула я, – только не это! Я ножками! А вечером поголодаю, готовьте сами!

– Духи, – напомнил вожак, – вскоре вновь возьмут след.

Перед глазами предстало видение на краю поляны. Нет! Я не хочу к такому приближаться, а уж тем более знакомиться с родом трудовой деятельности этого создания.

– Аааа, черт подери! Поехали! Поехали! – позабыв о страхе, сама шагнула к коню и даже руки протянула к главарю, чтоб связал. Да, я бываю послушной, если за жизнь боюсь, даже в дурмане, навеянном коньячными испарениями.

– Не потребуется, – отрезал он, легко вскочив в седло. Затем за шкирку поднял и усадил впереди себя.

– Я одного понять не могу, – возмутилась я вслух, стараясь не обращать внимания на боль. – Откуда у вас селение? Вы разве не бродяжничаете по степям и весям?

– Бродяжничаем, но по своим степям и весям в охотничьих

▲владениях.

– Не поняла. Вы кто? – в этот момент скакун сделал прыжок через поваленное бревно, и я чуть не прикусила язык.

– Я барон, а это моя свита. – Махнул он рукой на четырнадцать особ мужского пола непредставительного вида. Совсем непредставительного – все они были в шурах, надетых на голое тело или замызганную рубашу, залатанных штанах и стоптанных кожаных сапогах. Некоторые, правда, как главарь, были в пропахших дымом и пропитанных потом куртках из прочной темно-синей ткани на меху.

Такое разительное и разящее запахом несоответствие образов званиям я еще не встречала.

– Вы сколько по лесам шатаетесь? – Вскинула я брови. – Вы ж на барона и его свиту не похожи. На разбойников – да, а на знатных персон – нет.

– Да что, нам в мехах три недели добираться? – со смешком возмутился главарь.

– Ну как бы...

– Вот как бы и так. Прибудем в столицу, обрядимся.

– А до тех пор под настоящих разбойников косите?

– Что мы косим? – Не понял главарь, то есть барон разбойничьего вида.

– Да ничего, так выражение. Вы когда о жертвенницах расскажете?

– Когда прибудем.

– Когда и куда прибудем?

– Галя, цыц!

Рассудив, что сбежавшая жертвенница будет двигаться в противоположную сторону от вызвавших ее иномирян, они последовали в глубь синего леса. Увидев озеро, где вся тина выдернута со дна, поняли, что ошиблись направлением. Здесь иномиряне жертвенницу потеряли, а вот где они до этого обитали, найти удалось не сразу. Где-то через пятнадцать минут Нардо и его слуга вылетели на полянку, с давно угасшим костром и тленным следом, оставленным духами.

– Если здесь были духи, значит, Галя с этими иномирянами ушла.

– Как думаете, их могли догнать? – обеспокоенно спросил бес.

– Нет, иначе об этом я бы уже знал.

♣ – И не только вы, – тяжело вздохнув, изрек бес.

О том, как быстро о происшествии узнает Повелитель, можно догадываться. А о том, что сделает с противниками брака, лучше и не думать. Женитьба их темного Повелителя откладывалась из-за нерадивой невесты и ее расчетливого отца. Кто рассказал правителю Дарлогрии о древнем пророчестве его Темнейшества, оставалось загадкой. В противовес этому истинные намерения Короля загадкой не являлись. Отказав Повелителю, он стал рассматривать замужество старшей дочери с холодным расчетом завоевания всех ближних и дальних государств посредством влиятельного зятя.

Сам зять в таком виде калыма участвовать не хотел, а противиться не мог, потому что Королю было рассказано много больше положенного, и вертеть «зятю» он мог и так, и этак.

Отчего сам дьявол уже не был добродушным шутником, с юмором справляющимся со своими обязанностями во вверенных ему мирах. Загрустил, позабыв о грешниках и грешницах и их наказании, о своей еде и питье. И все чаще застывал перед зеркалом, отображающим Ее – любовь всей темной жизни Властелина и Повелителя.

– И начертыхалась же она тут! – поморщился Нардо, осмотрев поляну, на которой проявлялись серные выжженные пятна.

– А потом дьявола, видать, звала, – согласился бес, указав на черные деревца в обожженных проталинах взошедшие. – Через день здесь будет замагиченное место и один из самых удобных порталов для наших.

– Не будет, – молвил Нардо рукава закатывая, – опередить или запретить ее ругательства нам стоило. Оттого нам и убирать последствия.

Он руки над землю распростер и тонкие нити от черных кругов и быстро растущих деревьев, как от пряжи, к нему потянулись. И чем дальше они к нему тянулись, тем меньше становились и деревца, и пятна на поляне. Бес грустно вздохнул. Не будь Король жадным человеком, они бы полянок черных по всей Дарлогрии наделали, чтобы на праздники в чистых лесах да степях отдыхать. А то, как его Величество Король Гарминт Еол Шарильм XIV с самим Правителем поступить изволил, о бесчестии говорит. А значит, он не только Повелителя, но и весь его народ захочет в услужение получить. И не надобно, чтобы порядочные бестии подземного мира попали в непорядочные руки кровожадного короля.

Еще не завершив с очисткой полянки, Нардо вдруг остановился:

– Слышишь?

– Нет, хозяин.

– Галя далеко отсюда, но ругается душевно.

♣ – Да, что Вы? И чего она ругаться вздумала?

– Готовить заставляют. – Улыбнулся черт. – Меня полосатым назвала.

– Очень далеко отсюда?

- Да, но вот незадача, духи на след беглой напали.
- Спасать будете... – тяжело вздохнул бес, – а может, не надо?

Давайте нашу жертвенницу найдем?

- Наша в безопасности, а эта домой может не попасть.
- Так и быть, – поникшим голосом согласился бес.

Жертвенницу, сбежавшую от иномирян соколы Нардо и беса обнаружили раньше своих седоков. Планируя над поляной, зависли там, где рыжая девица костерила странными словами скользящие к ней жутковатые тела в бесформенных балахонах. Нардо прыгнул вниз и, преодолев не менее тридцати метров, придавил своим весом одного из духов. Яркая вспышка заклатья, пущенного в посланника с севера, всколыхнула травы, навечно пригвоздив духа к земле. Не оглядываясь на результат своей работы, Нардо выпустил еще несколько вспышек, сопроводив их древними словами, и подкосил ближайших к девушке противников. Жертвенница молча воззрилась на спасителя. Блеск в глазах неизвестной бес отметил с неудовольствием. Хозяин вновь привлек излишнее внимание к своей персоне и еще неизвестно во что это выльется. Опустив соколов вниз, он оказался за спиной жертвенницы.

В это время, не уменьшая скорости движения, Нардо ринулся навстречу подросевшим духам и расправился с ними с той же грацией быстрых движений. Его белая рубаха окрашивалась в цвета вспышек, создавая видение мифического существа. И он виртуозно разил наповал всех духов, посмевавшихся напасть на девицу.

В этом мире против черта – почетного жителя подземных чертогов, на равных выступить могут лишь друиды, вурдалаки и черные эльфы. Что до духов, заговоренных на поиск и уничтожение жертвенниц, то, как создания черных эльфов, они по силе были ничтожно слабы перед противником из Аида и рассыпались в прах на глазах восхищенной зрительницы. Когда три тени взвились над хозяином, жертвенница прикусила губу в ожидании развязки, а бес скептически поднял бровь. Как и ожидалось, Нардо, эффектно перемещаясь по кругу, зарядил в каждого из них по заклинанию и, отправив в разные стороны от себя, пригвоздил к земле.

Глядя на то, как эта несдержанная рыжая девица, сцепив руки, подпрыгивает на месте, бес картинно поднял глаза к небу. Если хозяин и далее будет так выступать, им не избежать возвращения седьмой жертвенницы в ее мир задолго до начала традиционного обряда.

Расправившись с последними духами, Нардо обернулся на визгливый вопль жертвенницы:

– Ты уделал их!

– Ну, как бы... – затушевываясь черт, видя стремительный бег девицы к себе. Он не увернулся и честью выдержал ее прыжок и цепкий обхват руками и ногами, выстоял, удерживая ее на весу.

– О, ты мой герой, ты супер! Я от тебя тащусь! – после того, как нескромные ручки нагло и по собственнически облапили его руки и грудь, девица взвыла с голодным рыком, – давай сделаем это здесь!

– Что здесь?

– Ну, ты же понимаешь, – попрыгав на нем, прикусила мочку быстро краснеющего уха. – А, вижу, уже понял! – провозгласила она.

– Мы спешим. – Произнес Нардо, аккуратно отлепляя девицу от себя.

– Нет! Вы меня не бросите. – Особа женского пола, прыгнула вниз и пихнула его кулаком в живот. А затем обняла ноги подземного жителя.

– Я с вами! На край земли! К дьяволу! Или в преисподнюю! –

заголосила она.

– Девушка, а может быть домой? – предложил терпеливо ожидающий развязки бес.

– О! – девица, не отпуская жертву из наглых рук, оглянулась. – А это что за чудик? Ты мини Чубака – Чуи?

– Я – бес, и воздержитесь от глупостей.

– Тебя бесить не стоит, да, Чуи? – растягивая слова, произнесла рыжая.

– Именно. Хозяин, вылетаем?

– Вылетаем. – Согласился Нардо, ловко выудив кулон из-за пазухи девы, раздавил его в пальцах.

– Вы встретите еще своего героя, – пообещал он девице, возмущившейся потоком странных слов. Но прежде, чем она окончательно растворилась в воздухе, оба успели удивиться насыщенному образами монологу.

Они уже взвились на орлах в небесную лазурь, когда бес проявил свойственное ему любопытство.

– Хозяин, вы поняли суть его сказанного? – помолчав, он все с тем же удивленным выражением лица продолжил. – Какие-то нигеры должны будут что-то сделать с Вами и Вашей матерью очень жестоким образом, а ♣потом и пара-тройка грузин... – бес удивленно замолчал.

– Не знаю, есть ли в их мире лекари, и встречались ли они ей. Но кто-то должен объяснить, что все перечисленное невозможно физически. – Качая головой, согласился Нардо.

– Странная жертвенница. Неудивительно, что вызвавшие ее иномиряне забрали Галю.

– И все же, я не мог поступить иначе, – риторически ответил черт.

Бес криво улыбнулся. Хозяин мог парой тройкой ударов плети уничтожить духов, и скрыться, так и не объявившись. А затем в считанные минуты догнать похитителей, но предпочел действовать иначе. И с чего бы это?

♣

Конец ознакомительного фрагмента. Приобрести полную версию книги вы можете на сайте автора: <https://feisovet.ru/магазин/Ардмир-Мари/>